

Адам Францишек Коля

Стигмат югоностальгии, проблемы с феминизмом и европейский вопрос в Хорватии

Введение

Сразу же после обретения Хорватией независимости идеология югославизма оказалась на обочине. У хорватов, как и у представителей других народов бывшей Югославии, она проявляется в идее югоностальгии¹. Интересно, что в 90-е гг. XX века югоностальгия в Хорватии присутствовала подобно тому, как в ПНР на периферии официального государственного дискурса, поддерживаемого партией, обычно где-то на заднем плане или в эмиграции существовала «окраинная («кресовая») ностальгия»². Ее можно обнаружить сейчас прежде всего у авторов, живущих и работающих в эмиграции, которые зачастую – как, например, Дубравка Угрешич – вынуждены были покинуть независимую Хорватию. Такое же положение у живущего в Италии и преподающего в Римском университете Ла-Сапиенца Предрага Матвеевича. В 1991 г. в

---

¹ Кроме югоностальгии, можно также говорить о чувстве, возникшем на противоположном полюсе, о югофобии. Ср.: Kornhauser J. *Słoweński dystans i Mitteleuropa: Recenzja książki Drago Janèra Eseje* // „Tygodnik Powszechny” от 1 августа 1999 г.

² Тоска по утраченным после 1939 г. восточным окраинам («кресам» – землям, расположенным на восток от т. н. линии Керзона) Речи Посполитой (прим. переводчика).

знак протеста он покинул националистически настроенную Хорватию³.

Официальный государственный дискурс со времен президентства Туджмана не позволял выступать в югостальгическом духе. Он считал это опасным для возрождающейся хорватской идентичности, выражением насаждения сербами своего господства. Литература откликнулась на потребности власти. Знаменательно введение в книгу «В эту страшную минуту. Антология современной военной хорватской лирики», в котором Иво Санадер и Анте Стамач пишут, что «война, ведущаяся объединенными врагами – сербами, черногорцами, коммунистами, **югоразбойниками** и сборищем темных типов – против нашей прекрасной отчизны Хорватии, коренным образом изменит также хорватскую поэзию»⁴ (выделено мной. – А. К.). Использование пейоративного неологизма (югоразбойники) соответствующим образом подготавливает читателя к знакомству с антологией.

Отъезд из Хорватии одной из наиболее выдающихся хорватских писательниц Дубравки Угрешич был актом протеста против изменений в хорватской политике, которых она не принимала, протестом против провинциальной националистической политики, загоняющей Хорватию в тесную ограду собственного подворья, единственным возможным бунтом против реактивации традиции, с которой боролся Мирослав Крлежа. Речь идет о возрождении Туджманом и другими хорватскими руководителями «мещанского хорватского национализма». Позиция Угрешич, подобно позиции других писателей (достаточно назвать лишь Славенку Дракулич, а также уже упомянутого Предрага Матвеевича), уходила своими мощными корнями в югославянскую традицию, лучше всего проявившуюся в творчестве Иво Андрича и Мирослава Крлежи. Речь идет о протесте против национального шови-

³ S.P. Novak, *Povijest hrvatske književnosti. Od Bašćanske ploče do danas*, Zagreb: Golden marketing, 2003. - С. 497.

⁴ I. Sanader, A. Stamać (ред.), *W tej strasznej chwili: Antologia współczesnej wojennej liryki chorwackiej*, Warszawa: Wydawnictwo „Krupski i S-ka”, 1996. - С. 11.

низма. При этом данная позиция является выражением приверженности идее общей культуры и государства южных славян, воплощением которой была Югославия. Левая ориентация названных художников слова не совпадала с правым национальным дискурсом. Все началось гораздо раньше, с ключевой для понимания югославской (в том числе хорватской) истории интеллектуальной и политической фигуры – Мирослава Крлежи.

Предыстория, или Несколько слов о Мирославе Крлеже

К разряду самых выдающихся хорватских писателей следует отнести Мирослава Крлежу (1893-1981). Рамки данной статьи не позволяют подробно рассматривать его творчество. Тем более что в 1975 г. появилась по-прежнему очень свежая, захватывающая книга Яна Вежбицкого «Мирослав Крлежа». Значительная часть книги посвящена вопросам трудных поисков писателя в области категории нации, борьбы с национальными мифами, его колебаниям между хорватским и югославским. Автор пытается при этом рассмотреть творчество Крлежи на более широком, европейском фоне.

Позиция Крлежи в хорватском дискурсе, касающемся истории и национальной мифологии, исключительна, ибо в его творчестве сосредоточены все национальные традиции, проблемы, исторические обусловленности и мифы. Его наследие является спором о смысле хорватской истории в миниатюре. В случае Чехии это требовало участия многих поколений интеллектуалов, политиков и историков, писателей и философов⁵. В Хорватии данный вопрос также присутствует, хотя так и не обрел четко оформленных границ. Его хронологические рамки аналогичны продолжительности чешского спора. Тем не менее, именно Крлежа сумел собрать всю эту традицию и отразить в своих произведениях. Важное значение имел возраст писателя и то, что в течение его жизни сменилось

---

⁵ Коля А. Ф. *Спор о смысле чешской истории и дискуссия о корнях Европы* // Европа. Т. 7. 2007. № 1 (22). - С. 47-74.

несколько поколений писателей и интеллектуалов, а сама Хорватия прошла множество исторических этапов – от роли части Австро-Венгерской Монархии, затем Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в межвоенный период, через зависимое от нацистской Германии Независимое Хорватское Государство, вплоть до республики в составе Югославии Тито. Весь этот опыт принципиально повлиял на позицию и мировоззрение писателя, а в итоге на последующие поколения хорватских интеллектуалов, деятелей искусства, ученых (левой ориентации), в том числе также на хорватские феминистские круги. Выросший из хорватского модернизма, он отказался от этой традиции. Левый, верный призванию социальной критики, он был чуток к призраку национализма, очарованию которого в XX веке поддавалась Хорватия.

Важнейшие произведения, направленные против хорватского национализма, появились до второй мировой войны. Это «Хорватская рапсодия», «Хорватская литературная ложь» и «Баллады Петрушки Керемпуха»⁶. Их хронологическая связь с первым периодом творчества Крлежи обусловлена несколькими причинами. Во-первых, это время, когда в Центральной Европе сильную позицию завоевал экспрессионизм. В этом контексте важно экспрессионистское первенство творчества Крлежи по отношению к немецкоязычной литературе⁷. Во-вторых, межвоенный период, особенно в этой части Европы, характеризуется в литературе пессимизмом и катастрофизмом. Это время, когда появляются важнейшие романы Карела Чапека в Чехословакии, являющиеся прекрасным образчиком данного направления. Творчество Крлежи также вписывается в историю катастрофической литературы. Третьей

⁶ См.: M. Krleža, *Chorwacki bóg Mars* / Przeł. W. Gluck, H. Siennicka / Przedmowa J. Benešić. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska”, 1939; M. Krleža, *Ballady Pietrka Kerempuha* / Przeł., wstępem i objaśnieniami opatrzył A. Dukanović. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983; Krleža M. *Hrvatski bog Mars*. Sarajevo: Oslobođenje, 1988.

⁷ D. Donczewa, *Idee narodowe i ponadnarodowe w prozie Miroslava Krležy* / Przeł. D. Najdenowa // B. Zieliński (ред.), *Narodowy i ponadnarodowy model kultury. Europa Środkowa i Półwysep Bałkański*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2002. - С. 212.

причиной, на которую обращает внимание Ян Вежбицки, является аналогия между довоенным творчеством автора «Возвращения Филиппа Латиновича» и нарождающимся в этот период экзистенциализмом. Вежбицки утверждает, что «яркая телесность концепции человека, жестокая материализация мира, а также (...) столь же яркая картина физического подавления человеческого вида очевидным образом ассоциируются с выражением экзистенциального отвращения, которое мы находим в произведениях Сартра и Камю, а также у многочисленных экзистенциалистов *avant la lettre*, к примеру, у Мальро и Галаса». Далее он добавляет, что с «экзистенциализмом ассоциируется пронизывающее „Баллады“ ощущение абсурда, которое выражается в черном юморе Керемпуха. Экзистенциальным можно признать основной для произведения Крлежи принцип бунта»⁸. В-четвертых, Крлежа, как и все левые интеллектуалы межвоенного периода (политики и деятели искусства) обращался к опыту Советского Союза⁹. Он опирался на программу социалистического реализма, хотя и создавал собственный, альтернативный по отношению к сталинской модели, проект революционной литературы¹⁰. В-пятых, он вписывается – особенно благодаря своей позиции, в которой главным является отрицание, - в течение авангардного искусства¹¹, противостоящего установленным нормам: нравственным, языковым, национальным, художественным и политическим. Таким образом понимаемая авангардная традиция непосредственно связана с необходимой для произведения социальных изменений революцией. Все эти направления в творчестве Крлежи сливаются воедино.

---

⁸ J. Wierzbicki, *Miroslav Krleža*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1975. - С. 292.

⁹ A. F. Kola, *Obraz Rosji w pismach lewicy chorwackiej okresu międzywojennego. Miroslav Krleža i August Cesarec* (в печати).

¹⁰ J. Rapacka, „Ballady Pietrka Kerempuha” Miroslava Krleży. *W kręgu rewolucyjnego mitoburstwa i mitotwórstwa* // M. Dąbrowska-Partyka (ред.), *Śródziemnomorze. Europa Środkowa. Bałkany. Studia z literatur południowosłowiańskich*, Kraków: Universitas, 2002. - С. 429-432.

¹¹ *Ibidem*. - С. 435 и след.

Крлежа прежде всего критикует диссонанс между материальными условиями жизни хорватов, нищетой и отсталостью и их духовными и национальными устремлениями. Он обращает внимание на то, что национальный дискурс жаждет славы и величия, а условия жизни людей трудны¹². Это интерпретация, которую можно принять, тем более если учесть левый характер идей писателя, но он несколько отдаёт классической марксистской схемой: вначале базис, а потом надстройка.

В своих произведениях Крлежа опровергает три основополагающих для хорватской идентичности мифа. Прежде всего пересматривает косовский миф, подчеркивающий могущество южных славян. В духе ницшеанского сверхчеловека, оживленного модернистским воображением, он пропагандировал позицию героизма, борьбы за праведное дело с общим врагом. Это был героический миф, демонстрирующий былую славу и величие народа с доминирующим культом мощи и силы воли. Этой позиции Крлежа противопоставляет миф хорватского Гения¹³. Гений приходит как мессия, страдающий за свой народ, но он его освободит и спасет. С одной стороны, он обращается к страданиям народа (под игом чужих держав), а с другой – к христианской мартирологии. Это вариант, близкий предлагаемому Мицкевичем и другими романтиками видению Польши – Христа народов. Косовскому мифу Крлежа противопоставляет образ национальной Голгофы и, таким образом, видение страдающего народа. Такое восприятие судьбы Хорватии, хотя и отличается от хорватского модерна, пытавшегося преодолеть маразм и стагнацию конца XIX века, близко более ранней традиции, прежде всего Партии закона Анте Старчевича 80-х годов и поэтам, связанным с этим направлением национальной политики. Речь идет прежде всего о

---

¹² J. Wierzbicki, *op. cit.* - С. 156.

¹³ М. Krleža, *Chorwacki bóg Mars...* - С. 62 и след.

творчестве Августа Харамбашича, Сильвие Страхимира Кранчевича и Антуна Густава Матоша¹⁴.

«Хорватская литературная ложь» перекликается с произведением первого южнославянского социалиста Светозара Марковича под названием «Сербская ложь». Во-первых, об этом свидетельствует факт, что Маркович учился в Петербурге, где познакомился с народническими идеями, а в Швейцарии – с социализмом и марксизмом. Во-вторых, Маркович соединил две великие идеи, которые были реализованы в государстве Тито: социализм и концепцию объединения южных славян. В этом смысле взгляды Крлежи совпадают с предложениями автора «Сербской лжи». Разница состоит в том, что для Крлежи путем для достижения обозначенных целей, по крайней мере в теоретической сфере, должна была стать революция. Маркович «считал, что того и другого возможно достичь путем эволюции и последовательной организационной деятельности»¹⁵.

В «Хорватской литературной лжи» Крлежа снова возвращается к опровержению косовской мифологии, включая ее в национальную литературную ложь – это ложь национального героизма. Автор задает риторический вопрос: «Зачем нам возводить этот мраморный Косовский храм, в котором стоят на коленях хорватские литераторы, а ложь традиции служит им подсвечниками?»¹⁶. Однако на этот раз он отвергает всю

---

¹⁴ На тему связи их поэзии с творчеством Мицкевича и аналогии, на которую обратил внимание сам Крлежа, с живописью Артура Гроттгера см.: J. Wierzbicki, *op. cit.* – С. 163-165. Иоанна Рапацка, в свою очередь, вписывает творчество Крлежи, особенно «Баллады» в более раннюю хорватскую традицию. Парадокс заключается в том, что она связывает это произведение с поэмой «Смерть Самиль-аги Ченгича илирского поэта Ивана Мажуранича. С одной стороны, Крлежа противопоставил себя направлению илиризма, опровергал мифы национального возрождения, а с другой – непосредственно на это наследие опирался (ср.: J. Rapacka, *op. cit.* – С. 439 и след.).

¹⁵ W. Felczak, T. Wasilewski, *Historia Jugosławii*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo, 1985. – С. 372.

¹⁶ M. Krleža, *Dzienniki i eseje / Wyboru dokonał J. Wierzbicki, tłumacze różni*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1984. – С. 148.

хорватскую литературную традицию XIX и XX века. Главная ложь состоит в том, что существует хорватская литература. Крлежа протестует против мифов, которые отравляют хорватские стремления к прогрессу и переменам. Это национальное возрождение, хорватский модерн и уже упомянутый косовский миф. Образно, в своей типичной манере Крлежа сравнивает национальное возрождение с Гробницей, имеющей красивый мраморный фасад, но скрывающей нищету национального существования, политический гнет и поработенный разум¹⁷. Крлежа упрекает модерн в некритичном заимствовании чужих образцов без попытки адаптации их к хорватскому контексту. Он указывает на плагиаторство, эпигонство, кич, раскрывает источники заимствований. «Неужели мы какая-то банда во фраках, деморализованная венско-будапештской и берлинской духовной проституцией?»¹⁸. Как говорит Рапацка, «хорватская культура была в то время (...) выражением ложного сознания, территорией ложного мифотворчества, не будучи ни в какой связи с реальной трагической хорватской судьбой, мифотворчества, кормящегося объедками с европейского стола, что обрекало хорватский народ на фактическую культурную немоту, а хорватскую культуру на отсутствие подлинности, периферийность и провинциализм»¹⁹. Крлежа выступает против трех тенденций: идеологической фальши национализма, исторического пафоса и показного характера мещанской культуры²⁰.

Однако он не ограничивается лишь отрицанием. Как каждая социальная критика, творчество Крлежи содержит положительную программу – утопически-поэтическую и мессианскую. Спаситель (неужели им должна быть Красная Москва?²¹) призван преодолеть антитезу Византии и Рима, Азии и Евро-

---

¹⁷ J. Wierzbicki, *op. cit.* - С. 166-168.

¹⁸ M. Krleža, *Dzienniki i eseje...* - С. 142.

¹⁹ J. Rapacka, *op. cit.* - С. 427.

²⁰ J. Wierzbicki, *op. cit.* - С. 172.

²¹ M. Krleža, *Dzienniki i eseje...* - С. 148.

пы. Единение должно произойти в общей для южных славян Югославии²². Главным течением хорватской интеллектуальной традиции является противопоставление Хорватии, являющейся частью Европы и связанной посредством римско-католической Церкви с Западом, Сербии, принадлежащей к Балканам и поэтому более близкой Азии и восточной цивилизации, опирающейся на православие. В югославском проекте Крлежи эти противоречия должны быть устранены. Должно возникнуть новое качество в истории южных славян, новое государство, которое станет синтезом. В соответствии с марксистской диалектикой, тезис (Хорватия, Запад, Европа, католицизм, Рим) и антитезис (Сербия, Восток, Азия, православие, Константинополь/Византия) должны дать синтез (Югославию).

Истоки концепции Крлежи – не только в левой мысли, но и в средневековом богомилстве, в творчестве писателя XVII века Юрая Крижанича и наследии Сильвие Страхимира Кранчевича, творившего в XIX веке²³. Особенно интересна первая традиция. Богомилы были сектой, действовавшей на Балканах, которая выступала как против Византии, так и против Рима. Важно было то, что богомилы указывали третий путь, который должна была избрать Югославия. Это была не восточная и не западная традиция, а их соединение, подчеркивание исключительного, единственного, оригинального. Для Крлежи мятежный характер секты имел достоинство, важное для современной ему мысли. Если добавить к этому восхищение октябрьской революцией и хорватским славянофильством, то основы, на которых Крлежа строил свою концепцию Югославии, станут вполне понятными²⁴. Это Югославия, которая, как

---

²² *Ibidem.* - С. 149.

²³ *Ibidem.* - С. 149-150.

²⁴ J. Wierzbicki, *op. cit.* - С. 171-172.

и в случае Иво Андрича²⁵, была попыткой реализации третьего культурного измерения²⁶, третьего пути.

Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что Крлежа одинаково неприязненно отзывался как о монархии Габсбургов, так и о межвоенной Югославии. В обоих государствах, несмотря на декларируемое равноправие всех народов, всегда доминировал один: в Монархии – немецкий (т. е. австрийский), а со временем, с момента образования дуалистского государства, также венгерский, а в государстве Карагеоргиевичей – сербский²⁷.

К важнейшим протестным, а также представляющим особое видение Истории и национальной хронологии произведениям писателя принадлежат «Баллады Петрушки Керемпуха»²⁸. В данной статье я бы хотел обратить внимание лишь на языковую сторону произведения, ибо именно в ней сосредоточена вся его проблематика²⁹. Собирательным героем этого цикла является крестьянин – хорватский народ. В славяно-

---

²⁵ Ср.: G. Berić, *Druga śmierć Iva Andrića* / Przeł. D. J. Ćirić // „Gazeta Wyborcza – Gazeta Świąteczna” от 4-5 декабря 1999 г.; M. Dąbrowska-Partyka, *Ivo Andrić albo paradoksy pogranicza* // B. Zieliński (ред.), *Narodowy i ponadnarodowy model kultury. op. cit.* – С. 195-208; M. Dąbrowska-Partyka, *Literatura pogranicza, pogranicza literatury*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004.

²⁶ T. Czapik, *O pułapkach przenoszenia ponadnarodowego modelu kultury na rzeczywistość polityczną (przykład iliryzmu)* // *Narodowy i ponadnarodowy model kultury...* – С. 225.

²⁷ Ср.: D. Donczewa, *Idee narodowe i ponadnarodowe w prozie Miroslava Krležy* / Przeł. Danuta Najdenowa // B. Zieliński (ред.), *Narodowy i ponadnarodowy model kultury. Europa Środkowa i Półwysep Bałkański*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2002. – С. 212-213.

²⁸ См.: M. Krleža, *Ballady Pietrka Kerempuha...*

²⁹ Подробный анализ содержит книга Вежбицкого (J. Wierzbicki, *op. cit.* – С. 175-176, 261-295). Крлежа затрагивает проблему крестьянства и его исторической роли, народного сознания и «уленшпигелевской» традиции, периода барокко и рождения новейшего национального сознания в XVI и XVII веке, тридцатилетней войны и «святого времени». По мнению Вежбицкого, в предлагаемом видении истории соединяются архаическая восточная империя гуннов, Брабант XVI века, Германия XVII века и традиции кайкавской популярной литературы. Предлагаемая интерпретация очень подробна и хорошо аргументирована. Ее анализ требовал бы отдельного рассмотрения. Ср. также: J. Rapacka, *op. cit.*; M. Dąbrowska-Partyka, *Świadectwa i mistyfikacje. Przed i po Jugosławii*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003. – С. 137-140.

фильском³⁰ или – шире – в романтическом духе Крлежа считает народ истинным носителем хорватской традиции, «национальной судьбы, единственным субъектом истинной истории народа»³¹. Мария Домбровска-Партыка констатирует: «нация – это народ, народ – это крестьянин, крестьянин – это “кайкавец”, “кайкавскость” – это единственная истинная хорватскость»³². Выбор кайкавщины является сознательным, связанным не только с представленным в произведении миром, с попыткой сохранения культурных реалий, в том числе языковых, времени, к которому оно относится, но и имеющим высоко идеологические и политические последствия. Он является манифестом писательского своеобразия и собственного видения истории. Это продолжение борьбы с хорватской литературной ложью, прежде всего с эпохой национального возрождения. Именно в этот период, на волне иллиризма, при создании единого южнославянского народа, с участием сербского исследователя-фольклориста Вука Стефановича Караджича, был избран штокавский диалект в качестве основы общего языка. Протест Крлежи выражался не только в идейном аспекте, содержался не только в тематике произведения, но и в его языке. Благодаря такому выбору представляемое видение истории альтернативно, протестно, отлично от официального, «единственно правильного». Была подчеркнута также роль регионализмов – как языковых, культурных, так и политических. Это, наконец, попытка возвышения локального сообщества – в данном случае пользующегося кайкавским диалектом, что приближает произведение к литературе «малых родин». Мария Домбровска-Партыка обращает внимание на факт, что выбор диалекта организует мир, делит его на свой и чужой: «„Сладкое КАЙ” составляет у Крлежи центр пространства как своего (отечественного, истинно хорватского), так и

³⁰ Ср.: A.F. Kola, *Słowianofilstwo czeskie i rosyjskie w ujęciu porównawczym*. Łódź: *Ibidem*, 2004.

³¹ M. Dąbrowska-Partyka, *Świadectwa i mistyfikacje...* - С. 233.

³² *Ibidem*. - С. 139.

собственного (“завичайного”³³, родного и семейного, ближайшего). За его пределами оказались не только немцы, венгры, разнообразные чужаки и ренегаты, которые захватывают Хорватию, оккупируют или предают, но и хорватские и славянские патриоты девятнадцатого века, народные будители, которые, по мнению Крлежи, отреклись от своей **истинной** идентичности, выбирая ШТО вместо „сладкого КАЙ”»³⁴.

При этом следует признать правоту Иоанны Рапацкой, которая обращает внимание на то, что кайкавщина Крлежи не является ни одной из региональных разновидностей этого диалекта, она искусственно создана самим автором и опирается на различные источники (ре)конструкции языка. Отмежевание от чужаков (немцев, венгров) в проекте Крлежи очевидно. Но при этом следует помнить, что он «не только не старался сохранить чистоту языка, но напротив – насытил его германизмами, мадьяризмами и романизмами»³⁵. Здесь в очередной раз проявляется славянский и балканский парадокс – соединение противоположностей.

Мария Домбровска-Партыка в заключении к своему тексту замечает, что «"Баллады" по сути внушают хорватскому читателю, что история, пережитая, воспринятая и рассказанная **по-кайкавски**, - это **иная** история, чем **та же** цепь событий, пережитая, воспринятая и рассказанная **по-штокавски**». В таком понимании кайкавщина является «не только “альтернативным литературным кодом”, но и альтернативным видением национальной истории»³⁶. «Баллады» позволяют обнаружить необычайно существенный в контексте бывшей

---

³³ Ранее автор объясняет данный термин: «Это слово не имеет точного соответствия в польском языке. Его значение наиболее близко немецкому *Heimat. Zavičaj*, однако, в хорватском языке может приобретать значение не только “частной родины”, но и “родины идеологической” (С. Оссовский); важнейшей составляющей данного значения является привлечение культурной альтернативы, оживление “альтернативной истории народа”» (*Ibidem.* – С. 136, примеч. 10).

³⁴ *Ibidem.* – С. 137.

³⁵ J. Rapacka, *op. cit.* – С. 433.

³⁶ M. Dąbrowska-Partyka, *Świadectwa i mistyfikacje...* – С. 140.

Югославии вопрос языка. Его выбор определяет национальную принадлежность, форму коллективной идентичности, видение истории, а в крайних случаях – жизнь и смерть.

Крлежа представляет целостное видение истории. «Невозможно не обнаружить в “Балладах” своеобразную попытку укоренения в традицию, создания исторического мифа как определенного идеологического предложения в споре о хорватском прошлом и современности»³⁷. Для автора «Банкета в Блитве» главным оппонентом была хорватская традиция мещанского национализма. Крлежа говорил о лжи «всех европейских мещанских националистических программ», о расовой лжи и националистическом героизме³⁸. 90-е годы показали, что он не разделался с этой традицией до конца. Она по-прежнему жива и присутствует в хорватском публичном дискурсе. Есть она также в литературе. В сборнике современной хорватской военной лирики, подготовленном Иво Санадером и Анте Стамачем, мы обнаруживаем скрытый за патриотизмом явный националистический оттенок³⁹.

Удастся ли пересмотреть национальные мифы и националистические традиции⁴⁰? Станет ли возможно построение собственной исторической политики в согласии с соседями, как это постепенно удается Польше и Украине? Будут ли хорваты способны признать свои прошлые ошибки, взять на себя за них ответственность, решиться на акт примирения и

---

³⁷ J. Wierzbicki, *op. cit.* - С. 291.

³⁸ M. Krleža, *Dzienniki i eseje...* - С. 145.

³⁹ См.: *W tej strasznej chwili...*

⁴⁰ По отношению к Хорватии с этим борется, в частности, Дубравка Угрешич (D. Ugrešić, *Kultura kłamstwa (eseje antypolityczne)* / Przeł. D. Cirić-Strazyńska. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1998), а в случае Сербии – в частности, Небойша Попов (N. Popov, *Serbski drammat. Od faszystowskiego populizmu do Miloševića* / Przeł. M. Książek. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1994) и Иван Чолович (I. Čolović, *Polityka symboli. Eseje o antropologii politycznej* // Przeł. M. Petryńska. Kraków: Universitas, 2001; I. Čolović, *Balkany – terror kultury* / Przeł. M. Petryńska. Wołowiec: Czarne, 2007). О роли традиции в культурах народов бывшей Югославии см.: *W poszukiwaniu nowego kanonu. Reinterpretacja tradycji kulturalnej w krajach postjugosłowiańskich po 1995 roku* / Red. M. Dąbrowska-Partyka. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005.

прощения, а в некоторых случаях также на возмещение убытков? Будет ли хорватская идентичность строиться на положительных образцах, а не на дискуссионных и неоднозначных? Не актуальны ли эти проблемы также для Польши, Чехии и других европейских государств? Не должны ли они поэтому стать самыми существенными, наиболее жгучими вопросами в современной исторической политике объединяющейся Европы? Вместо того чтобы говорить об отдаленной, малоопределенной греческой или римской традиции, лучше посмотреть на реальные проблемы, ибо именно из отдельных народов с их багажом исторического опыта строится общая Европа. Все эти вопросы касаются места молодых государств в евросоюзных структурах. Ведь именно с осуждения военных преступлений 90-х гг. зависело начало переговоров о вступлении Хорватии в Европейский союз. Эти проблемы актуальны и сильно связаны с судьбой хорватского пути в Европу, в пространство Старого Света. Эти вопросы поднимаются современными хорватскими интеллектуалами левого толка, в том числе, в частности, феминистками.

Дубравка Угрешич и другие «ведьмы»

Дубравка Угрешич, так же, как Славенка Дракулич и Ирена Врклян, была одной из первых хорватских писательниц, которые творили в феминистском духе, создавая женскую литературу «от иронично-пародийной парадигмы до биографически-интимной прозы»⁴¹. Этот феминистский характер современной женской прозы вошел в явное противоречие с право-католическим – и при этом маскулинным – государственным дискурсом. Андреа Златар обращает внимание на еще один аспект, специфический для творчества женщин: «Когда я задумываюсь над современной литературной продукцией, я не могу избавиться от впечатления (...), что из нее вытолкнуты

---

⁴¹ A. Zlatar, *Žena, identita, tjelo* // Drakulić S. *Sabrani romani: Hologrami straha. Mramorna koža. Božanska glad. Kao da me nema*. Zagreb: Profil International, 2003. - С. 6.

женщины-писательницы, что они находятся на обочине. Точнее говоря (...), их очень мало. Речь идет не только о медийном отсутствии/присутствии, измеряемом количеством пропагандируемых авторов-мужчин (...), но и о том, что писательницы функционируют как независимые единицы»⁴². Нет общей поэтики, близких тематических кругов, похожих стилистических черт.

При этом следует обратить внимание на то, что книги Угрешич, Дракулич и Вкрлян, хорошо принимаемые за пределами Хорватии, у себя в стране существовали где-то на заднем плане. Следствием этого явился остракизм, отсутствие книг в магазинах и списках обязательного школьного чтения, а также продолжения парадигмы в младшем поколении – авторов-женщин, дебютировавших в 90-е годы XX века.

«Все три автора, главным образом по причинам политическим и культурным, были выброшены из “отечественной” литературы; две из них с приклеенным ярлыком “ведьмы”. Их не обошли также обвинения в духовной измене и извлечении интеллектуальной выгоды из войны; такие понятия, как диссидентство, остракизм или интеллектуальная эмиграция, в 90-е годы использовались с целью обвинения в предательстве или своего рода доноситељстве»⁴³.

Для Угрешич, которая одной из первых хорватских женщин-писательниц начала писать в Хорватии женскую прозу, творчество неразрывно связано с иронией. Начиная с судьбы Штефицы Цвек, являвшейся глубоко ироничной игрой с традицией литературы для женщин, вплоть до острых антивоенных выступлений – таких, как «Культура лжи»⁴⁴. Если добавить к этому феминистский характер ее творчества, то мы получим литературу, которую никогда не примет правая,

---

⁴² A. Złatar, *Kto jest spadkobiercą literatury kobiecej?* / Przeł. J. Supińska-Biernacka // K. Pieniążek-Marković, G. Rem, B. Zieliński (ред.), *Widzieć Chorwację. Panorama literatury i kultury chorwackiej. 1990-2005*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2005. - С. 271.

⁴³ *Ibidem* - С. 273.

⁴⁴ D. Ugrešić, *op. cit.*

националистическая и католическая власть. В то же время, в соответствии с традицией неравнодушного художника, Угрешич не отказывается от борьбы словом, не уступает, хотя своей позицией, красноречивой эмиграцией посылает отчетливые сигналы о неблагополучии родной страны. При этом у автора «Американских выдумок» нельзя отнять патриотизма. Разве что это патриотизм в духе Мирослава Крлежи или Витольда Гомбровича. Она не подвержена слепому национализму, свободна от национальных комплексов и фобий, бежит от «национальной мегаломании, героизации, мифологизации и абсурда, иными словами, от... лжи»⁴⁵. Намек на Марковича и Крлежу в этом случае явный. Патриотизм Угрешич горький, жесткий, он выражен острым и прямым языком. Она протестует, как это делал Крлежа, против террора памяти и национальной мифомании. Такая позиция, однако, не могла быть одобрена обществом под руководством Туджмана. Не сумев согласиться с окружающей действительностью, Угрешич выбрала эмиграцию.

В «Культуре лжи» обвинение, однако, адресовано не только хорватам, не только обезумевшим в боевом запале жителям Балкан. Угрешич не жалеет острых слов для всей Европы: «Я убеждена, что **мир**, этот такой желанный цивилизованный арбитр, и **Европа**, на которую ссылаются, которую так отчаянно призывают хорваты (...), боснийцы и жители Сараево (...), что эта Европа во всем этом участвует, обременена тяжестью собственной вины и решает проблему «западной» культуры правды и лжи. А в Боснии – желает Европа этого или нет – находятся корни данной проблемы...»⁴⁶.

Угрешич обвиняет хорватский публичный дискурс в постоянных ссылках на Европу, на римский католицизм, в то время как Хорватия не соответствует стандартам западного мира – таким, как особая роль в нем истины. Она указывает на ложь и ханжество своих соотечественников, раскрывает абсурд

---

⁴⁵ *Ibidem.* - С. 108.

⁴⁶ *Ibidem.* - С. 112.

националистического образа мышления. Видит, что там, где недавно существовала дружба, внезапно возникла вражда: «Террор памяти, конечно, также является военной стратегией, устанавливающей границы и определяющей различия: **мы** отличаемся от **них** (сербов), **наши** история, религия, обычаи и язык иные, чем **их**. В военном варианте этот глубоко пронизывающий хорватское сознание комплекс сводится к утверждению: мы иные, чем они (сербы), потому что мы лучше. Это доказывает наша история: **мы** всегда строили, **они** лишь уничтожали, **мы** принадлежим к европейской культуре, католической, **они** же лишь православные, неграмотные варвары»⁴⁷.

Острые иронии направлено также в другую сторону, против Европейского союза, НАТО и Организации Объединенных Наций, против бессилия западного мира, который, хотя и сочувствует и рассматривает возможности разрешения ситуации на Балканах, не желает по-настоящему вовлечься в улаживание конфликта. Европа, в которой истина является одной из главных категорий, конститутивных для западной цивилизации, в бывшей Югославии не победила. Потерялась в балканских лесах и горах. Поэтому культура Европы, вместо того чтобы быть культурой правды, является культурой лжи. Это действительно горькая пилюля для Европы.

Голограммы страха Славенки Дракулич

Проза Славенки Дракулич носит иной характер. Она не только является обвинением маскулинизированному хорватскому, балканскому миру в насилии, надругательстве над женским телом, но также попыткой расправы женщины над навязанным табу, ограничивающим культуру. Роман под названием «Если бы меня не было» является антивоенным криком протеста⁴⁸. Здесь развивается характерный для феминистской прозы дискурс тела. В отличие от предыдущих романов –

---

⁴⁷ *Ibidem.* - С. 109.

⁴⁸ S. Drakulić, *Kao da me nema*. Split: Feral Tribune, 2001; S. Drakulić, *Sabrani romani...* - С. 467-626.

«Голограммы страха»⁴⁹ и «Мраморная кожа»⁵⁰, речь уже не идет о частных, личных отношениях, например, между матерью и дочерью. В «Если бы меня не было» затронута тема изнасилования женщин мужчинами-солдатами во время войн в бывшей Югославии в 90-е годы. Остается, с одной стороны, индивидуальный характер пережитых женщинами травм, а с другой – подчеркнут их универсальный аспект. Героини анонимны (главная героиня определяется инициалом S), но прозе Дракулич невозможно отказать в подлинности. Это прием, характерный для военной литературы – как касающейся второй мировой войны, так и современных событий. Необычайно важным в контексте неприятия хорватами представляемого Дракулич видения является факт, что обвинение может относиться к каждому, кто участвовал в войне. Никто не может чувствовать себя безнаказанным. Прав Златар, когда говорит: «Даже теперь, спустя десять лет после войны, мы не можем похвастаться обобщенным социологическим и политологическим анализом насилия – как действия отдельной личности, так и запланированного, массового преступления, бывшего проявлением “особой войны” и одним из методов этнической чистки, размеры которой значительно превосходят невинные предположения об отдельных изнасилованиях (вызванных так называемой “естественной войной полов”）」⁵¹.

Подобным образом высказывается Угрешич. В «Культуре лжи» она говорит: «Война в бывшей Югославии – мужская война. Женщины в этой войне – почтовые ящики, тела, служащие для передачи информации другим мужчинам, врагам. Врагам, которые еще недавно были братьями.

– Изнасилования во время войны – это обыденное явление, проявление мужской психологии, разновидность иррационального – надеюсь, ты меня хорошо понимаешь – отрицательного комплимента женщине, отвратительная сексуальная

---

⁴⁹ S. Drakulić, *Sabrani romani...* – С. 23-166.

⁵⁰ *Ibidem.* – С. 167-286.

⁵¹ A. Zlatar, *Kto jest spadkobierca...* – С. 283-284.

причуда. Но на самом деле чудовищным является сознательное оплодотворение хорваток и мусульманок сербами. Не случайное изнасилование, а сознательное оплодотворение. Это нацистская идея, такое могли сделать только сербы, только сербы... – с горечью сказал мой знакомый»⁵².

Не следует добавлять, что не только сербы, не только сербы... Обвинение Дракулич и Угрешич не направлено лишь против сербов и хорватов, оно приобретает универсальное измерение. Это выражение опыта женщин, к которым относятся как к предметам, женщин, которые теряют собственные тела.

Такое феминистское мнение, в евро-американском мире известное уже много лет, в маскулинизированном хорватском мире, в особенности во времена католико-националистической власти, должно было вызвать протест, и писательница была в своей стране подвергнута остракизму. Проблемы с восприятием феминизма в бывшей Югославии для многих все еще являются аргументом в пользу того, что Хорватии до сих пор еще не удалось уйти с Балкан.

«Ухо-горло-нож» Ведраны Рудан

Похожую идейную нагрузку несут тексты хорватской журналистки Ведраны Рудан, которая, благодаря инсценировке книги «Ухо-горло-нож»⁵³ в постановке Кристины Янды, получила в Польше большую популярность. Трудно избавиться от впечатления, что это «вульгаризированная» версия всего того, о чем говорят Дубравка Угрешич или Славенка Дракулич. Кавычки здесь необходимы по нескольким причинам. Во-первых, «вульгаризированная» относится к острому языку Рудан, полного ругательств и грубых формулировок. Во-вторых, рассказанные ею истории полны насилия и надругательства над человеком. Как повествующие об аде гражданской

---

⁵² D. Ugrešić, *op. cit.* - С. 163.

⁵³ Ср.: V. Rudan, *Ucho, gardło, nóż* / Przeł. G. Brzozowicz, J. Granat, W. Szablewski. Warszawa: Drzewo Babel, 2004.

войны в бывшей Югославии, так и касающиеся домашних войн. Автор рассказывает о тирании в собственном родном доме и в первом замужестве. Ее феминизм вызван обидами, испытанными непосредственно от мужчин: отца и первого мужа. Это не интеллектуальная концепция, построенная на вечном мужском доминировании над женщинами. Все ее произведения основаны на собственных переживаниях, «ежедневном опыте». Как она говорит, «нет плохих женщин, есть лишь несчастные». Это мужчины плохие. «Женщины – жертвы»⁵⁴. Это третья причина заключения слова «вульгаризированная» в кавычки. Ее книги эпатируют не эрудицией, а обыденной жизнью. Благодаря своей подлинности, принадлежности к этой обыденной жизни, они становятся уникальным документом преступления. Произведения Рудан – это, конечно, не единственная такого типа литература, возникшая в результате войн в бывшей Югославии. Хорошим примером может быть также книга дочери маршала Тито Светланы Броз под названием «Добрые люди во времена зла» (2002)⁵⁵. Подлинностью убеждают нас также авторы уже упомянутой книги «*Fear, Death and Resistance. An Ethnography of War: Croatia 1991-1992*» (1993)⁵⁶. Однако уникальность Рудан состоит в выборе яркого языка для описываемых событий. Она не скрывает трагедии за вуалью метафор и красивых сравнений. Она точна и беспощадна в своем языке.

Вписывается ли Рудан в югоносталягическое направление литературы? Трудно сказать. Она не интересуется большой политикой, что заметно по наивности некоторых суждений, хотя бы о том, что в 70-80-е гг. между сербами и хорватами не было конфликтов. История католической церкви в Югосла-

---

⁵⁴ Vedrana Rudan. *Zła Chorwatka: Wywiad przeprowadzony przez Katarzynę Surmiak-Domańską // „Wysokie Obcasy (dodatek do Gazety Wyborczej)”* от 5 ноября 2005 г.

⁵⁵ S. Broz, *Dobrzy ludzie w czasach zła. Uczestnicy i świadkowie* / Przeł. D. J. Ćirić. Wołowiec: Czarne, 2002.

⁵⁶ L. Č. Feldman, I. Prica, R. Senjković (ред.), *Fear, Death and Resistance. An Ethnography of War: Croatia 1991-1992*, Zagreb: Institute of Ethnology and Folklore Research; Matrix Croatica; X-Press, 1993.

вии, описываемая далее, явно показывает существование напряженных отношений между двумя народами. Однако Рудан рассказывает об обычных, добрых людях во времена зла, подталкиваемых зачастую к своему выбору страхом, трусостью, опасениями за собственную жизнь и жизнь близких. Ее муж серб, «четник». Она – плохая хорватка, реализующая югославянский проект в собственном доме. И этого достаточно. Она хочет мира и обычной, хорошей жизни.

Если ее и интересует открытость Хорватии к Европе, то по причине присущих автору феминистских симпатий. Она рассматривает на то, что благодаря влиянию Европы изменится положение женщин в Хорватии. В интервью польской журналистке она утверждает: «Вину, по моему мнению, можно рассматривать пропорционально власти. А у нас женщины не имеют никакой власти. За виной женщины всегда стоит вина мужчины. Для вас мужчина значит гораздо меньше, чем для нас. Польки понимают, что связь с мужчиной должна обогащать жизнь, а не быть единственным ее смыслом. Я дважды была в Польше, и так получалось, что женщины, с которыми мне приходилось иметь дело, были одиноки. Но постоянно смеялись! У нас почти нет разведенков. Нет одиноких женщин после тридцати. В Польше я впервые в жизни встретила с тем, что женщина в компании свободно высказывается на тему литературы, живописи, музыки, ресторана, денег, путешествий и прежде всего работы. Меня предупреждали, что у вас так принято, но одно дело слышать, а другое увидеть. Без голых животов, выставленных на мороз, без макияжа... Молодые хорватки накрашены по любому поводу. В их жизни мужчины играют самую важную роль. Это очень грустно»⁵⁷.

Польское общество оказывается более либеральным и открытым, чем хорватское, хотя в обоих доминирует католицизм. Ее книги показывают мужское господство и тиранию. Своей жизнью Рудан показывает, что нет необходимости поддаваться семейному насилию, страдать синдромом жертвы, не

---

⁵⁷ *Vedrana Rudan...*

способной избавиться от своего преследователя. Патриархальная хорватская культура, опирающаяся на силу церкви, требует перестройки. Можно понять, хотя Рудан и не говорит этого прямо, что в такой перспективе Европа дает большие шансы хорватским женщинам.

«Югославянство сегодня» по Предрагу Матвеевичу

Большинство писателей, представляющих югностальгическое направление, не верит в новую реализацию общего государства южных славян. Хотя они и мечтают о нем, но не видят при современном раскладе политических сил и общественных настроений в бывшей Югославии шансов на преодоление национальных предубеждений, разного рода шовинизма и национализма. И если некоторые из них верят в возможность мира на Балканах, хотя эта вера постоянно подвергается серьезным испытаниям, то в дружбу народов, а тем более в реализацию общего культурно-политического проекта скорее не верит никто.

Особенно важным в данном контексте является слово Предрага Матвеевича. Автор изданной впервые в 1982 году книги «Jugoslavenstvo danas. Lta je ostalo danas od jugoslavenstva»⁵⁸, говоря о современном положении в бывшей Югославии, одинаково решительно расправляется как с сербским, так и с хорватским национализмом: «Сербские выборы, состоявшиеся на пороге 2004 года, еще раз подчеркивают и подтверждают трагическую судьбу бывшей Югославии. После возвращения на арену в Боснии и Герцоговине трех отсталых национально-религиозных партий, после победы в Хорватии скомпрометированного Хорватского демократического сообщества (HDZ), после трех неудачных попыток избрания президента Сербии, почти 60% сербско-черногорских избирателей проголосовало абсурдным и позорным образом.

---

⁵⁸ P. Matvejević, *Jugoslavenstvo danas. Šta je ostalo danas od jugoslavenstva? Pitanja kulture*. Sarajevo: Buybook; Zagreb: Durieux; Beograd: MVTC, 2003 (reprint; ed. I: Zagreb: Globus 1982).

Больше всего голосов (около 27%) получили ультранационалистические «радикалы» Воислава Шешеля, четникского вождя, который за тюремной решеткой в Шевенингене ожидает приговора за свои преступления. Самозванные «социалисты» Слободана Милошевича, обвиненного Гаагским трибуналом в «геноциде и преступлениях против человечества», вновь вошли в Скупщину (парламент) Сербии (с 7,6% голосов). Партии, которые пытались защищать европейский выбор и пойти по стопам убитого премьера Зорана Джинджича, остались в меньшинстве и не могут сами сформировать правительство»⁵⁹.

Матвеевич пишет как о сербах и хорватах, так и о словенцах, македонцах, жителях Косово, Черногории, Боснии и Герцеговины. Он видит границы государств, но представляет их судьбу в целом. Он делает так, вероятно, не в надежде на возрождение Югославии. Он не является приверженцем самоисполняющегося пророчества, но и не верит в реальную силу детерминизма. Как говорит Анджей Зыбертович, «детерминизм означает, что если мы какую-то ситуацию определяем как реальную, то даже если определение ложно, оно создает реальные последствия»⁶⁰. В этом случае трудно поверить, что голоса неизвестно скольких интеллектуалов могут изменить ситуацию, т. е. привести к возрождению Югославии. Не сейчас. Еще не время.

Однако Матвеевич очерчивает альтернативное видение истории. Вначале он напоминает, как хорошо было в общей Югославии: «Если посмотреть на именно такую географическую, геополитическую, нравственную и не знаю какую еще карту страны, невозможно избавиться от впечатления, что те, кто вопреки угрозам и давлению националистического окружения считал, что было бы лучше остаться вместе, чем бороться друг с другом, переждать в своей особой конфе-

---

⁵⁹ P. Matvejević, *Trzeba było poczekać na Europę* / Przeł. D. J. Ćirić // „Gazeta Wyborcza” от 19 января 2004 г.

⁶⁰ J. Cajsels, P. Głuchowski, *Trzeba przemówić językiem siły* // „Duży Format (dodatek do Gazety Wyborczej)” от 15 мая 2006 г. – С. 7.

дерации до совместного вступления в Европу (тем более что само Европейское сообщество предлагало такое решение), не были такими “наивными” и “утопистами”.

Страна, пользовавшаяся определенным уважением мирового сообщества, стоя во главе “неприсоединившихся стран” и неся знамя “третьего мира”, вероятнее всего имела лучшую альтернативу, чем та, которую выбрала. Она могла избежать несчастий, свалившихся на нас, жертв, которые мы неравномерно распределили между собой, почти 200 тысяч убитых, более двух, возможно, даже трех миллионов изгнанных из своих домов или разбросанных по миру»⁶¹.

Идеализация государства Тито сильна, но, как представляется, не свободна от трезвого осуждения. Вера в Югославию связана с верой в некий коллективный, наднациональный проект, выступающий против исключаящего взгляда националистов. Он выражает убеждение, вечную мечту человечества о совершенной, реализованной утопии. В национальном, а следовательно, политическом и культурном аспекте таким проектом казалась Югославия. Ее распад, однако, доказал, что каждый утопический проект, который пытаются реализовать, терпит поражение и – более того – это заканчивается обычно кровавым образом.

Вера Матвеевича связана с тем, что идентичность можно строить иным образом, на ином, чем нация, основании. Он продолжатель идей Крлежи. Он стремится разделаться с националистической традицией, хорватской литературной ложью. Он переносит прежний опыт и свои проекты – и с этой точки зрения к нему следует прислушаться – на европейскую почву. Фрагмент, который цитируется далее, показывает, что автор становится более трезвым, склоняется к более реалистическому взгляду. Он утверждает: «Идентичность можно было установить также без кровопролития, в согласии с высшими критериями, которые известны европейской цивилизации, хотя она и не всегда их применяет. Произошло, однако, “необ-

---

⁶¹ P. Matvejević, *Trzeba było poczekać...*

ратимое" (слово, позаимствованное у старика Канта), и построение общего государства уже невозможно – кто бы еще хотел быть вместе с теми, которые получили столько голосов на последних выборах в Сербии, или с теми, кто до вчерашнего дня на хорватских площадях приветствовал друг друга усташевским жестом? А таких много во всей Югославии – той, которая стала бывшей и явно обречена на то, чтобы таковой оставаться. Может быть, если заслужим, мы вместе окажемся в Европе. Кто знает, как и когда, возможно, мы осуществим то, что нам предлагалось и чего мы могли бы достичь, прежде чем свершилась трагедия»⁶².

Явна дистанцированность от проекта нового построения общей Югославии, хотя автор и тоскует по ней. Он верит в то, что Европейский союз, в который войдут государства бывшей Югославии, примирит рассорившиеся народы. И если не удастся реконструировать общее государство южных славян, возможно, в общей Европе возобновится прерванный диалог между ними. Югоностальгическая мечта в столкновении с грубой действительностью модифицируется в иную наднациональную идею, которой является ЕС. Та же идея, лишь сообщество больше.

И если многие мыслители, пишущие о Югославии в югоностальгическом духе, обращаются к чувствам, культуре и искусству, зачастую абстрактным ценностям – таким, как красота или истина, то принятая Матвеевичем стратегия иная. Это следствие нескольких причин. Первая связана с интеллектуальной традицией, к которой следует отнести автора «Средиземноморского требника». Матвеевич принадлежит к леволиберальному интеллектуальному течению. Как писатель и ученый с международной славой и репутацией, он, правда, вписывается в традиции космополитической интеллектуальной элиты, но в то же время обращается к родным югославским корням. Здесь большое значение имеет факт общения с самым выдающимся хорватским/югославским писателем леволибе-

---

⁶² *Ibidem.*

ральной ориентации Мирославом Крлежей. Обширное интервью – знаменитые «Беседы с Крлежей» 1969 года, которые Матвеевич провел с автором «Хорватской литературной лжи», являются лучшим доказательством этого.

Вторая причина заставляет нас верить в то, что его творчество независимо, а поэтому правдиво. Это происходит из применяемой писательской стратегии и соответствующих риторических приемов. Они в краткой передаче состоят в обращении внимания на экономическую сторону распада Югославии, которую можно выразить с помощью «бесспорных» и «независимых» цифр. В таком восприятии цифры становятся т. н. чистыми фактами, с которыми дискутировать неуместно. Все еще распространенная вера в аксиологическую нейтральность и «истинность» науки обеспечивает сконструированной таким образом аргументации неприкосновенность. Каждый желающий покритиковать предложения Матвеевича должен будет вступить в бой с его союзниками: упрямыми фактами – цифрами, указателями.

Третья причина непосредственно связана с предыдущими. Опираясь на вторую – экономическую, научную, он обращается к традиции мышления в категориях первой, т. е. в категориях, типичных для левых: заботе о благе человека, его материальном быте. Последний, будучи базисом, позволяет говорить о надстройке – культуре, духе. Простая марксистская схема находит здесь прекрасное применение. Матвеевич утверждает: «такова цена, которую приходится платить – и в Сербии, и в Хорватии, и в каждом другом месте, когда важнее становится бытие народа, я имею в виду его *миф*, чем благосостояние народа»⁶³. Это образ мышления и аргументации, близкий Крлеже. На фоне н обращается к традиции мышления в категориях первой, т. будет вступить в бой с его союзниками: твердыми фактами – ценностям нищеты, голода, безработицы, военных страданий он, как представляется, удачно описывает мир. Кто же перед лицом человеческих драм отважится

---

⁶³ *Ibidem.*

говорить о литературе или искусстве? И если в мирное время можно использовать такую аргументацию⁶⁴, то в контексте все еще не затянувшихся ран и травмы военных переживаний конца XX – начала XXI века это не столько неуместно, сколько морально предосудительно. Такая конструкция эссе кладет возможного противника на лопатки. Каждый наскок может быть отбит с этических позиций и поэтому заранее обречен на провал. Она устраняет также необходимость аргументирования по правилам научного диспута. Но в то же время указывает на то, что по сути каждая позиция ангажирована и идеологически и мировоззренчески зависима. Предложение Матвеевича в том числе.

Заключение

В данной перспективе ясно вырисовывается линия развития южнославянского проекта. Она начинается с иллирских культурных концепций, преодолевает путь государственного югославизма и заканчивается ныне югоностальгической, неосуществимой мечтой о возрождении сообщества южных славян. Шансом для нее должен быть европейский проект. Во время реализации наднациональных идей появлялись также проекты, оперировавшие узко националистическим языком и категорией нации. Таким образом вырисовывается похожая на представленную ранее чешскую версию, хотя и не тождественная ей, линия развития социально-политической мысли⁶⁵. Следует, однако, напомнить об опасностях, указанных в ней. Как представляется, наднациональные проекты имеют шансы на успех постольку, поскольку будет возможно предпочтение категории гражданина категории нации. Попытки создания югославского народа не удалась. Приверженность мышлению в духе этнического сообщества XIX века оказалась сильнее всяческих наднациональных проектов. С этой точки зрения история югославских идей может быть хорошим уроком для

---

⁶⁴ Ср.: P. Matvejević, *Jugoslavenstvo danas...*

⁶⁵ Ср.: Коля А. Ф. *Указ. соч.*

рождающейся Европы. К разнообразным концепциям создания европейского народа следует относиться с большой осторожностью. В то же время необходим поиск критериев общей идентичности. Отношение к истории Югославии как к уроку для Европы можно рассматривать как поиск ценностей, общих для Старого Света. Она показывает, как рушатся реализованные утопии и какие опасности подстерегают творцов объединенной Европы. Это своего рода «отрицательные» корни, контрпример. Однако его нельзя отбросить, так как в этом случае мы бы лишились части нашего общего наследия. Наследия большого значения, ибо оно показывает извилистый путь наднациональных идей.

Предложение Матвеевича именно поэтому всячески заслуживает глубокого размышления. Хотя оно сформулировано крайне лаконично, содержит пропуски, сокращения и недомолвки, оно не позволяет остаться к себе равнодушным. Оно является одним из важнейших слов, высказанных по поводу построения общей Европы.